

САГА

О ХВАРАНГАХ

Дмитрий Сухтэ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С91

Издатель Д.Ю.Сухарев
Редактор, художник-иллюстратор: Наталья Маликова

Сага о хварангах

© Автор Дмитрий Сухтэ. 2022 год. Эта книга является охраняемым объектом авторских прав. Любое ограниченное цитирование текста книги и/или публикация иллюстраций разрешается с обязательным указанием имени автора и указанием первоисточника — книги «Сага о хварангах». Без права перепродажи электронных версий книги и публикации её текста на сторонних ресурсах.

Официальный сайт автора: formuladvijeny.ru

ISBN 978-5-6048987-0-3

Название книги «Сага о хварангах» обыгрывает удивительное сплетение эпох, географических координат, событий и человеческих судеб в единый канат повествования, оно предлагает взглянуть на сюжет, как на некий эпос — сказание, предание, легенду. Эта книга рассказывает о людях, которых можно назвать Идущими. Каждый персонаж саги — служитель мечты, странник духа, искренне посвятивший свою жизнь личному профессиональному Пути, либо своей школе, вере, семье, стране. В этом смысле все герои книги подобны безупречным древнекорейским воинам хварангам, жившим по строгим правилам и готовым пожертвовать собой ради убеждений.

Приключения, опасности, преодоление себя, острая грань между жизнью и смертью, запредельные эмоции, герои, боги и бессмертные, мистические откровения, тайны и сокровенные страницы истории находятся гораздо ближе, чем думают многие...

Возрастное ограничение: 16+

ДИСКЛЕЙМЕР

Если чьи-то представления о биографиях и судьбах упомянутых в книге исторических персон и значении событий не соответствуют авторскому видению, прошу отнестись к повествованию с пониманием, безусловно считать всё изложенное художественным вымыслом, который имеет развлекательную цель и позволяет с альтернативной точки зрения взглянуть на мир.

Книга ничего не пропагандирует, ни к чему не призывает, не навязывает никакую идеологию, не призвана задеть чьи-то национальные, религиозные или эстетические чувства, не может считаться духовной основой для культовых, политических и общественных организаций, а также для личных убеждений отдельных людей. Оценочное суждение автора не выражает его личные убеждения, а является неотъемлемой частью художественного повествования, неким «голосом за сценой».

В тексте книги отсутствуют: русская нецензурная брань (русский мат); натуралистическое описание сексуальных сцен, а также любое описание сексуальных сцен с участием детей, подростков или людей нетрадиционной ориентации; сцены, одобряющие употребление алкоголя и наркотических веществ; подробное описание сцен насилия, а также катастроф и увечий; сцены побуждающие несовершеннолетних к нанесению вреда себе или другим; одобрение азартных игр, попрошайничества и бродяжничества; одобрение негативного отношения к традиционным семейным ценностям.

Все цитаты или фрагменты сторонних произведений, которые используются в этой книге, являются охраняемыми объектами авторского права и имеют соответствующие ссылки на авторство.

Сноски и примечания являются неотъемлемой частью художественного произведения, а потому не могут рассматриваться читателями как информационный источник, претендующий на научность и достоверность.

Некоторые слова намеренно написаны в тексте книги с прописной буквы, чтобы подчеркнуть их значение и выделить Специфические Термины. Текст публикуется с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

ОТРЫВОК ИЗ ГЛАВЫ
1.1
СОН В КРАСНОМ САРАЕ

**Отдай повелителю жизнь свою,
Родителей не забывай,
Будь первым в Учении и в бою,
Законы и правила знай,
Правду друзьям и врагам говори,
Следуй зову мечты...
А если придётся, красиво умри,
Как сорванные цветы!**

...Странное это было занятие. Большинство присутствующих с трудом вспомнили потом, как закончилось чтение и как внезапно подобревший Учитель Ван предупредительно и заботливо отправил находящихся в прострации учеников отдыхать...

У Лин хватило сил подняться, найти взглядом своих ошалевших подчинённых и движением головы приказать им двигаться вслед за ней. Остатки сил были потрачены на то, чтобы добрести до красного облезлого сарая, в котором хранились корзины и сети, упасть на стопки плетёных циновок и провалиться в манящую темноту.

Чему же ты учишь нас, Учитель Ван?

Долго и крепко спали утомлённые воины. Странные сны снились им — величественные снежные горы и реки шириной в десять тысяч шагов, суровые бородатые мужчины с круглыми глазами и женщины с волосами цвета бронзы, каменные укрепления и оружие, извергающее пламя, кровавые битвы, бесконечной чередой сменяющие друг друга, воины с зелёными лицами, крадущиеся в зарослях, вереницы удивительных животных с грузами на спинах, всадники с кривыми узкими мечами, летящие по лесной дороге, изгнанники, влачащие свой скерб, города с огромными домами из стекла и камня, по улицам которых катится сонм разноцветных волшебных колесниц.

Квану снился огненный небесный дракон, с оглушительным грохотом рухнувший на содрогнувшуюся землю. Лан сидел на горячих камнях и слушал смуглого бородатого старика, говорившего что-то важное на чужом языке. А Лин держала за длинные хрупкие пальчики двух маленьких умопомрачительных существ, увлекающих её вглубь обширного подземелья. Их звали, кажется, Оца и Цыс! Они были добродушные разнополые детёныши, живущие в мрачном Подвале, в который иногда задували разные Ветра...

ОТРЫВОК ИЗ ГЛАВЫ
1.4
У ЧЁРНОГО МОРЯ

**Даёт Господь рабам своим
И день, и дело вместе с ним!
Тут остаётся за сохой
Лишь борозда в земле сухой,
А там в печи бушует жар,
Руками глину мнёт гончар,**

**Лишь утром прокричит петух,
На луг овец ведёт пастух...
Так защищает нас от бед
Тяжёлый труд на много лет!**

...Учитель Аргам при каждой удобной возможности возвращается к пению дифирамбов мудрым правителям, покровителям наук и знатокам искусств. Просто сдвиг какой-то у него на этом образовался, о чём особо не скрываясь весело шепчутся старшие подмастерья.

— Славные и мудрые люди, да сохранится память о них вовеки, — довольно жмурясь вещал обычно Учитель. — Вот мы, в Господа Христа веруем и много во что ещё, о чём умные вслух не говорят, а тоже ведь ценим просвещённых правителей! А что теперь? Какие лишения ждут землю нашу? Пяти языков не знают нынешние-то, а туда же — править! Войска в границах удержать не могут! Совета у мудрецов не спрашивают! Не пройдёт и века, как погонят нас с родной земли! Э-э-э-э...

На этом месте большинство старших под срочными благовидными предложениями покидало тенистый дворик, предоставляя оставшейся на растерзание молодёжи выслушивать учительские разглагольствования.

— Или вот, турки!..

Сегодня Торник уснул, убаюканный затянувшейся речью Аргама о зловредных турках и их кознях, за что получил бодрящий удар шлёпанцем в лоб. И помогло же! До ночи ходил, ища применение нахлынувшим силам и чувствам — натаскал воды, надраил куском вулканической пемзы столы в мастерской, любовно перебрал и протёр инструменты. Много думал, грезил с закрытыми глазами, сидя на рогоже в уютном тёмном углу. И опять уснул, да так крепко, что не сразу услышал скрип входной двери и звук торопливых шагов Учителя...

Но он пришёл не один — это Торник осознал ещё до того, как проснулся и открыл глаза. Лёгкая, почти неслышная поступь незнакомца пробудила юношу лучше, чем крик дурноватого Керóпа, который обожает внезапно заорать в спальне на восходе солнца, а потом ржать до икоты и пузырей из носа.

Учитель пришёл с чужестранцем. В этом, по большому счёту, не было ничего необычного, ведь чужестранцы — частые гости в доме Аргама Кафского... Но этот человек пришёл ночью, и от него веяло чем-то грозным, волшебным-необъяснимым, таким, что Торник, вместо того чтобы встать и объявиться, забился поглубже в угол и замер, прикрывшись каким-то подвернувшимся под руку тряпьём.

Так, ненароком, юный ученик проник в тайну суровой, но захватывающей истории, степенно рассказанной странным гостем его Учителю той памятной апрельской ночью...

ОТРЫВОК ИЗ ГЛАВЫ

2.3

ЦВЕТУЩАЯ ЗЕМЛЯНИКА

**Предсказана движеньем звёзд,
Стройна и светлолика,
Весна украсила погост
Цветущей земляникой!
Для всех хорош весны наряд,
Но мало уважаем...**

Не зря в народе говорят Про осень с урожаем!

...Свист рассекаемого воздуха, вспышка света на клинке, короткий удар — и толстенная фашина из мокрого камыша рассечена пополам! Старый семейный клеймóр плетёт убийственную паутину в руках юной воительницы. Девушка и меч слились в опасном танце, временно накрывшем весеннюю горную лужайку невидимым саваном смерти...

Старинному двуручному мечу Фрейзеров почти триста лет. Отцу Энн нынче сорок восемь. Он бодр и воодушевлён много больше, чем десять лет назад, когда стоял с шестилетней дочерью на развалинах Дауни и вспоминал последнюю кровавую битву с британцами.

Грэгг доволен собой, но несравненно больше он доволен своим рыжим чудом — любимой дочерью Энн, которая уже полчаса старательно шинкует камышовые мишени длинным обоюдоострым клинком.

Неделю отец и дочь живут в походных условиях. Предгорья Бейнн Эйлидич — красивое и уединённое место, прекрасно подходящее для воинских тренировок. Холодные ручьи, питаемые горными родниками, стремительными изгибами бегут вниз к тёмному, хмурому и неприветливому озеру Лох-Акхалл, на которое из лагеря открывается потрясающий вид. Настоящие шотландские пейзажи — камни, лишайники, низкорослые кустарники и пахучие стелющиеся на ветру травы!

Сегодня Энн ещё предстоят утомительные занятия с традиционным палашом горцев, с шестом и с кинжалом-дирком. Грэгг старается не тратить времени даром — уж если удалось вытащить ученицу из-за парты, то нужно основательно стряхнуть книжную пыль с её ушей и боевым потом смыть чернила с пальцев!

— Хэй, детка! — внезапно кричит Грэгг, одновременно с криком швыряя крупное зелёное прошлогоднее яблоко в голову Энн.

Детка, как всегда, поступает нестандартно — вместо того, чтобы поразить мишень, она резко обрывает стремительный полёт клеймора, ловит рукой в защитной перчатке летящее яблоко, небрежно протирает его о скатку перекинутого через плечо пледа и смачно надкусывает, весело тараша на отца наглые голубые глазищи.

Грэгг отворачивается, чтобы спрятать улыбку... Он доволен! Сегодня он подарит дочери фамильную реликвию Фрисселлов — серебряную пряжку с изображением цветущей земляники, символизирующей старинное название клана Фрейзер...

ОТРЫВОК ИЗ ГЛАВЫ

2.5

ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ

**Иногда без друзей умираешь от скуки,
Не милы тебе все чудеса человечьи,
Вспоминаешь слова их и верные руки,
Одиноко грустя в ожидании встречи...**

...Ох, и хлопотная неделя выдалась, ненормальная!

Началась она необычно и волнующе. Воскресным утром Дима впервые в жизни ощутил смутное и не до конца определённое чувство стыда и влечения при виде весёлой смуглой девчонки, подмигнувшей ему вчера на улице.

Смуглянку звали Поля, ей было десять лет, она была одной из многочисленных приходящих служанок, работавших в обширном графском хозяйстве — это Дима выведаль у гетманского конюха Данилы, приходившегося его матери дальней роднёй.

Первая любовь постучала в душу мальчика — она позвала куда-то и что-то невнятно пообещала. Это ощущение было жутковатым, диковинным и приятным...

А неприятности начались вечером, когда в обширной кухне старого отцовского дома приключился пожар. В суматохе и хаосе, которые неминуемо происходят в такие моменты, перепуганному и почти паникующему Диме удалось скрытно пробраться в дальний угол низенького кухонного чердака, где он хранил свои тайные сокровища. Там, кашляя и задыхаясь от едкого дыма, он совершил первый настоящий подвиг — спас от огня трепетно хранимый таинственный манускрипт, чем подсказал судьбе нечто большее, чем просто предназначение.

Пожар с большим трудом удалось потушить — справиться с огнём помогли случайно проезжавшие неподалёку запорожцы. Но кухня с чердаком, чулан и кладовая с припасами сгорели дотла.

В понедельник же произошло очередное досадное происшествие, неожиданно обострившее вялотекущий конфликт Димы с местной шантрапой.

Его на полдня выставили из дома, где ворчливые рабочие уже начали разбирать чёрный остов и обгорелые руины построек.

Мальчик неприкаянно слонялся по слободе, погрузившись в раздумья о новом тайнике для своих сокровищ, поэтому совершенно забыл о невидимой пограничной черте, отделявшей родную улицу от запретных дворов, в которых обитали его мучители и недоброжелатели...

Коварный удар по шее застал мечтателя врасплох! Ослепительная вспышка в глазах, шум в ушах, поглотивший все окружающие звуки, и зеленоватая темнота, заполнившая сознание, не позволили ему сразу сориентироваться.

Дима весьма удивился, обнаружив себя лежащим на земле с лицом, обращённым к небу. В этой бездонной голубой бездне неспешно и величаво кружил над городом Глуховым ястреб-канюк. А ещё прямо из неба глумливо ухмылялась рожа великовозрастного дурачка Акимки-кацапа, который склонился над поверженным врагом и явно намеревался продолжить экзекуцию...

Но внезапно несправедливый расклад сил поменялся — ехидная акимкина рожа рывком исчезла из поля зрения, а вместо неё появилась дружелюбно протянутая рука незнакомого парня, который вовремя вмешался в ситуацию.

Спаситель помог Диме подняться и кивнул на лежащего без движения хулигана:

— Что, забижает тебя сукота эта? Э-э-э, пёсья кровь! — парень смачно сплюнул на Акима и заговорил снова: — Чего молчишь? Тебя Димкой звать? Ты меня не бойся, не забижу! Я Пётша, с выселков!

Дима не нашёлся с ответом и лишь благодарно кивал своему спасителю. Временное замешательство позволило ему рассмотреть нового знакомого — Петша был крепким, чернявым, улыбчивым и невероятно уверенным в себе. На вид ему было лет шестнадцать-семнадцать, он носил просторную красную рубаху и тёмно-синие шаровары, у него имелась золотая серьга в правом ухе, а из-за голенища сапога выглядывала рукоять ножа...

ОТРЫВОК ИЗ ГЛАВЫ
2.7
ТАК ИГРАЮТ ТОЛЬКО ВОЛШЕБНЫЕ ЗВЕРИ

**Шепчет, сулит, прельщает
Хитрый гуляка-вечер...
Утро зовёт в дорогу!**

...Ещё затемно Гость, Можан-киндяк и деды обулись в лыжи, велели не ждать к обеду да покатали на дальнее зимовье по своим неведомым мужским делам. Братья-воины шумно и весело собрались на охоту, набили колчаны стрелами, взяли по две сулицы, свистнули пса и тоже до потёмок сгнули в белёсой морозной мгле. Юнша, как стало принято у него в последнее время, вздумал пообжиматься да распустить руки, но, получив от Вилюды увесистую плюху, мгновенно остыл и безропотно сел строгать заготовки для вертлюгов, кои в большом количестве потребны Можану для подвесных троп и верёвочных лестниц.

Вилюда же привычно занялась обширным домашним хозяйством: прибралась, наколола щепы, поставила на очаг огромный медный котёл, налила туда воды, накидала мороженых костей и длинных пахучих полос сушёного мяса, помешала варево ломкими вениками ароматных трав, в изобилии запасённых в начале лета, порубила на куски квашеную репу и отправила туда же, в похлёбку, добавила пригоршню сухих грибов, почистила вяленую рыбу, разделила её жирное янтарное мясо на волокна и отложила в сторону. Рыбку нужно добавлять вовремя — в уже готовую, но ещё огненно-горячую снедь, для запаха и вкусноты! А пока основа кёлéша неторопливо побулькивает на углях, самое время сесть за дощатый стол и заботливо перебрать ячменные зёрнышки — от них вся сила и густота в ястве!

Ловко девичьи пальцы делают привычную работу, растёт на столе горка чистых жемчужных зёрен... Мысли Вилюды текут сами по себе, и в мыслях тех — лишь весёлый и заботливый Гость, разом покоровший её юное сердце. Поёт берегиня протяжно и негромко на старинном обрядовом языке длинную песню о чём-то таком грустном и трогательном, что замирает Юнша в своём рабочем углу и дрожат у него в глазах непрошенные слёзы.

**Солнцу поперёк Леся хвалится:
— В мире нет милей моего лица,
Ой, краше я тебя да наряднее,
Я для всех парней ненагляднее!
Солнце ей в ответ: — Поквитаемся
Да сполна с тобой рассчитаемся —
Почернев лицом, успокоишься,
Девкой молодой упокоишься...**

Тем временем в обширной, но приземистой бревенчатой избе дальнего зимовья, в стороне от чужих любопытных ушей, мужчины степенно беседовали о важном!

— Да, киндяк, удивил ты меня, брат! — с одобрением воскликнул Гость. Он за полдня самолично облазил тайники и схороны Можана, явно смакуя изучил секреты мудрёных охранных и сигнальных конструкций, дал несколько дельных практических советов, что выдало в нём ушлого знатока.

— Восемнадцать хранителей посетил я на сей день, уж такого нагладелся, а только, уверен, ты лучший из них, тебя всем буду советовать, — подвёл окончательный итог Кёри, широко улыбнулся и с удовольствием отхлебнул горячего травяного отвара из деревянной плошки.

— Ты погоди, Посланник, сперва мою печаль выслушай, — не разделил уверенности Кёри помрачневший Можан, — вот когда всё прямо расскажу, опосля того и решишь — советовать меня али нет. Оно, может, иначе всё обернётся! А думы мои невесёлые вот откуда — последние мы в роду хранителей! Юнша вот младшенький, ему передам всё, а боле нет никого. Уходит каляда из этих мест, идут, понимаешь, на юг — вожарями на большую дорогу, меном промышляют, дворами постоялыми... Али у нас тут не та же дорога воровская? А тут только мера одна! Вон у Юнши в товарищах и парни их, и девки, а из нашенских только мы. Иной раз думаю — мере передавать Служение наше придётся, а вдругорядь мыслю — а пёс его знает! Такая печаль у меня, Посланник, может, ты присоветуешь — как быть-то?

— Что ж такого, а и присоветую, как есть скажу! — ободряюще рассмеялся Гость, подражая речи Можана. — Нас Великий так учил, — строго и серьёзно продолжил он, — нет в Служении ни хунну, ни эбису, ни кумасо. Смекаешь, брат? Все Едины! Готовь мерю и не горюй об том...

ОТРЫВОК ИЗ ГЛАВЫ

3.1

СТАРШИЕ И МЛАДШИЕ БРАТЬЯ

**Мой бык, отпущенный на волю,
Исчез куда-то на закате солнца...
Один, с охапкой рисовой соломы,
Ищу следы быка, но толка нет!
Туманом затянулись склоны гор...
Ну где же бык, куда он мог уйти?**

...Приветливые хозяева были верными учениками и доверенными служителями пожилого настоятеля школы «Аниотó» по имени ани Хикó. Они умели, если была необходимость, бесстрашно и самоотверженно сражаться, легко и скрытно преодолевали огромные расстояния, добывали пищу и воду в бесплодной местности, лечили раны и болезни, спали в снегу, разговаривали с птицами и зверями на неведомом языке леса.

Во время дневного перехода Лин, как знаток боевых искусств, по достоинству оценила воинские навыки Цуруми — разведчица бесшумно убегала вперёд и внезапно появлялась рядом с группой, в три прыжка взбиралась на деревья и осматривала местность, балансируя на упругих ветвях, внимательно вслушивалась в звуки леса, жестами управляя движением группы. А перед последним дневным привалом Цуруми в очередной раз удивила Лин своим отчаянным и внезапным поступком — она без сомнения и стеснения скинула с себя одежду, стремительно разбежалась и нырнула в ледяной бурлящий поток горной реки. Через несколько мгновений отважная Цапля в радужном облаке брызг выбралась на берег, крепко держа в руках огромную рыбину!

Немного смущённая Лин с тревогой посмотрела на реакцию парней, но обнаружила, что они с показным усердием рассматривают кроны деревьев, небо и горные вершины в противоположной от ручья стороне.

Девушки быстро нашли общий язык. Обе они были лишены детства. Игрушками с малых лет им служили мечи, палки и пучки соломы для отработки ударов. Кроме того, долгое пребывание в сугубо мужских компаниях обострило девичье желание посекретничать с подругой-ровесницей. Каждой из них была нужна чуткая душа, способная с полуслова и

полунамёка понять тонкие послы и сохранить их в тайне от неотёсанных мужчин. Одинаковый возраст тоже способствовал дружескому сближению новоиспечённых Сестёр.

А Квану и Лану не сиделось на месте! Они изнывали, находясь в стороне. Их живость требовала участия в общих хлопотах и заботах. Решив действовать, они дождались момента, когда Братья принялись обустривать ночлег. Торжественно выйдя на середину поляны, парни чинно поклонились, но услышав неодобрительное рычание Медведя, быстро исправились:

— Братья, мы наломаем хвороста! — крикнул Лан, срываясь с места.

— И огонь, огонь мы разведём! — раздался удаляющийся голос Квана.

Ответом на их торопливые восклицания стал очередной взрыв хохота Братьев!

Однако смех вскоре сменился одобрителем гулом. Лан и Кван сумели удивить опытных, много повидавших воинов! То прямолинейно, то в прыжках и вращениях сокрушая руками и ногами сухие ветви, хваранги в мгновение ока заготовили столько дров, что хватило бы на три ночёвки. Свой триумф парни закрепили, мастерски разведя огонь при помощи припасённого тута, ножа и твёрдого камня.

Насыщенный событиями и впечатлениями день закончился совместным поеданием тонких рисовых лепёшек и запечённой на углях увесистой рыбины, пойманной ловкими руками Цуруми. Сухие измельчённые водоросли послужили великолепной приправой, оттеняющей своим йодистым запахом и лёгкой горчинкой вкус душистого розового мяса форели.

Напоследок все наполнили миски горячим отваром из пряных горных трав. Этот напиток было принято пить маленькими глотками, долго, громко и смачно, а остатками жидкости омыwać личную посуду.

После ужина хозяева разделили между собой ночную стражу и, несмотря на робкие возражения, отправили гостей отдыхать до утра.

Непривычная обстановка, незнакомые звуки и запахи не сразу позволили воинам уснуть, но усталость и молодость сделали своё дело. Чуткий сон без сновидений пришёл — тихо, незаметно, исподволь, как шаг юной Цапли-Цуруми, когда она, бесшумно скользя во тьме, крадётся в передовом дозоре...

ОТРЫВОК ИЗ ГЛАВЫ

3.2

СТРАЖ ТОРФЯНЫХ БОЛОТ

...В годы войны на краю болот был основан фильтрационный лагерь № 0325, в котором содержались советские военнослужащие, прошедшие германский плен. А в 1946 году к лагерю пристроили бараки для пленных немцев. Их пригнали на разработку огромных торфяных залежей, расположенных между посёлком торфяников Губино-Кусок и рабочим посёлком им. 1-го Мая, в простонародье «Майский».

Сто семнадцать немцев и четырнадцать охранников из конвойного подразделения расположились в новом трудовом лагере. Условия содержания пленных были вполне щадящими, кормёжка нормальной, дисциплина строгой, но без издевательств и рукоприкладства. А кроме того — свежий воздух, посильная работа и возможность хорошенько подожраться за счёт многочисленных даров щедрой местной природы.

Большие неприятности начались в середине мая, когда в тартарары провалился новёхонький «Универсал», пригнанный из Владимира на болотные испытания. Чудом спасшийся тракторист нёс какую-то околесицу про «разверзшиеся хляби», «чрево звёрево» и «хищную пасть», поминал Христа и апостолов, а потому был немедленно отправлен в Орехово-Зуево для тщательного обследования в тамошней психушке.

На место происшествия нагнали пленных с длиннющими шестами, кирками, баграми, тросами и вёдрами. Трое суток немцы лопатили торфяную жижу, откачивали воду, пытались шестами и баграми нащупать трактор, но безуспешно. Раскопали такой котлован, что туда запросто можно было бы поместить грузовой железнодорожный вагон. Всё напрасно! Сгинул трактор в неведомых болотных глубинах.

А через неделю неподалёку от гиблого места раздражённое торфяное начальство затеяло оборудовать новую разработку...

С раннего утра понедельника десять флегматичных фрицев начали неторопливо забивать на площадке колья, ставить вежи, вдумчиво вырубать болотный чапыжник и корчевать старые пеньки.

Четверо конвойников, под предводительством усатого белоруса старшего сержанта Тихона Тихоновича, покуривали, сидя на пригорке, лениво переговаривались и гоняли комаров свежесрезанными берёзовыми веточками.

Нежданнами вестниками беды и первенцами, распахнувшими ворота ужаса, стали камрады не разлей вода Карл и Удо — работающие, послушные парни, весельчаки и балагуры.

— Граждан нашалтнихь, майн бомбалук трещит шов, велит бросайт бомб за тот далний куст! — округло сформулировал просьбу облегчиться «по-большому» Карл.

— Ихь прикривайт дас бомбер, битте! — присоединился подлиза Удо.

Солдатня привычно заржала над шутниками, а старший сержант обстоятельно зевнул, почесал могучую грудь, с минуту задумчиво пялился в безоблачное небо, а потом изрёк вердикт:

— Тока, слышь, рысью туда-сюда, мухоморы там не жрать! Бео-о-ом арш!

Немцы потрусили облегчаться, а Тихон невозмутимо оглядел своё икающее и рыдающее от смеха войско, ещё раз зевнул, любовно огладил ППШ и закурил очередную папироску.

Меж тем время шло — пять минут, десять, а чёртовы камрады не возвращались...

— Етить твою дивизию! — сипло выдавил наконец встревоженный Тихонович. — Неужто в побег рванули? Но куда? Тут болотень до горизонта, трясины... Пойду, мож, гляну? А вы тут в оба смотреть! — рявкнул он на притихших солдат.

И Тихон глянул... Чуть было сам не наложил в штаны от страха! Мёртвые немцы лежали на небольшой гаревой полянке. Скрюченными пальцами покойники ухватились за ветки вереска, а ногами выкопали в земле мощные борозды. Но самым жутким зрелищем были лица мертвецов — тёмно-фиолетовые, искажённые ужасной гримасой, с выпученными глазами и длинными, синими, закрученными спиралью языками.

Трупы прикрыли драными рогожами. Быстрый на ноги рядовой рванул в караул с докладом. На дребезжащей полуторке прилетел растерянный дежурный старлей с радистом и санинструктором, заглянул под рогожи, проблевался в зарослях камыша, после чего стал настойчиво связываться по рации с дежурным по штабу. Пленных угнали в лагерь. Бледные притихшие солдатки присели поодаль, стараясь не смотреть в сторону мертвяков. Солнце палило нещадно...

С момента ЧП прошло уже более трёх часов, а старший сержант Тихонович так и стоял, замерев, на кромке чёрной торфяной воды, молча курил папиросу за папиросой, гримасничал, о чём-то напряжённо думал... Потом внезапно и совершенно безумно завертел головой, беспорядочно замахал руками, шагнул по колено в болотную жижу, сорвал с плеча ППШ, пронзительно по-бабьи взвизгнул и всадил непрерывной очередью семьдесят одну пулю в разогретое марево горизонта...

ОТРЫВОК ИЗ ГЛАВЫ
3.3
ПРОКЛЯТИЕ СИНЕЙ ВЕДЬМЫ

**Кто там кружит на лужайках зелёных?
 Может, счастливая пара влюблённых?
 Вихрем летит под ногами земля!
 Может быть, ты это? Может быть, я?
 Миг... и рассеялся вихрь в пустоте,
 Пылью осев на могильной плите...
 Меч заржавел, и растрескалась плаха.
 Счастье живых недоступно для праха!**

...Эрик в очередной раз поблагодарил судьбу за потрясающее везение. Сегодня сняли гипс с ног. Доктор сказал, что кости срастаются великолепно, и уверенно пообещал к лету вернуть пострадавшего лётчика в строй. С руки гипс сняли уже месяц назад, и основным занятием Эрика с тех пор стало восстановление подвижности суставов и силы мышц.

Первоклассная английская медицина, вежливый персонал госпиталя и сносная кормёжка, несомненно, способствовали выздоровлению, а кроме того, позволяли терпеть вынужденное заточение в четырёх стенах. Книги скрашивали монотонный досуг Эрика, а регулярно меняющиеся соседи по палате доставляли свежие новости из внешнего мира. О, Эрик перележал многих боевых товарищей!

Позавчера привезли раненного в плечо лётчика Джона из сорок шестой эскадрильи. Он упрямо дотянул до родного аэродрома на своём горящем «Харрикейне», жёстко «в дрова» посадил машину на запасной полосе, сам выбрался из кабины и стремительно, за десять секунд до взрыва, отбежал на безопасное расстояние. Джон невероятно гордился собой!

А вчера доставили пострадавшего при пожаре авиационного техника из шестьсот одиннадцатой, которая базируется на том же аэродроме в Дигби, что и сорок шестая. Вот была буря радости! Техник Сэнди помирал со смеху, лёжа на животе и взахлёб рассказывая, при каких обстоятельствах он так подпалил себе спину и задницу.

Сэнди осматривал заплатки, поставленные на пулевые пробоины в крыле «Спитфайра», а его напарник поблизости заправлял баки самолёта топливом. Почему вспыхнул бензин — никто так и не понял. Напарник среагировал быстро, предохранительный клапан сработал как надо, но смачный плевок горящего топлива из шланга пришёлся точнёхонько в тыловую часть не ждущего беды Сэнди. Вспыхнув, техник так растерялся, что вместо того, чтобы плюхнуться в кучу песка неподалёку, вихрем припустил к пожарному пруду на противоположной части лётного поля!

Эрику нравятся эти ребята и их болтовня. Они напоминают ему юных товарищей по закрытой школе, да и взрослых Братьев из «L.V.V.». Та же самая порода людей — сильные, храбрые и весёлые! Но сегодня Эрик очень серьёзен, хотя всеми силами старается не показывать этого. Похоже, что дело касается его тайной профессии!

— Вот послушайте, парни, какая история, — удивлённо выкатив глаза и жестикулируя здоровой рукой, вещает Джон, — и не захочешь верить во всякую нечисть, а поверишь! Есть при штабе нашей двенадцатой группы, в Убнолле, аэродром. Начальство там летает, молодняк тренируют, мастерские ремонтные... Не в этом суть. Дурная молва идёт про открытую тринадцатую стоянку. Там обычно заводские «Спитфайры» доводят перед фронтом, ну и другие самолёты, бывает, паркуют. И какой самолёт больше трёх дней на площадке той побудет, у него — как сглазил кто — поломки на ровном месте, отказы. Там и трава кругом другая растёт — жёсткая, тёмная... Заколдованное, говорят, место! Техники придумали байку — мол, живут там

мелкие черти, называются гремлины. Очень технику не любят, потому гадят! Смех-то смехом, а призадуматься!

Эрик сжимает в кулаке серебряный мастерский знак и просит судьбу побыстрее направить его в Уотнолл. Обычно провидение само вело его в нужное место, да и сейчас грех жаловаться, информация получена точная — на тринадцатой стоянке этого аэродрома, без жидкой защиты сокрыто несколько целых триоблейдов. Вот только цена за информацию — полгода в гипсе. Можно было бы как-то полегче со служителем...

ОТРЫВОК ИЗ ГЛАВЫ 4.3 НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ!

**Когда ты жизнь свою отдал
Не за вино и медный грош,
Когда лихой и гордый стал —
На ветер северный похож,
Тогда и хитрость, и расчёт,
И дней унылых тихий сон,
Уже не в цвет, уже не в счёт,
Ты новой властью наделён!**

...Никто не собирался убивать этих полоумных уродцев! Хендри Рейд открыто шёл со своим отрядом по склонам большой Бен — делал привалы, жёг костры, даже велел людям громко разговаривать и петь боевые гимны, несмотря на косые недоумевающие взгляды старых вояк... Да, в их планы не входило скрытно пробираться в стан неприятеля. Они должны были появиться перед Мокрыми пещерами грозно, внушительно и ожидаемо, как олицетворение силы и порядка! Таков был план военного совета.

Отряд старшего брата Хендри — Финли Рейда продвигался в пределах видимости, чуть выше и правей. Склон там был ощутимо круче, а потому его воины шли молча, внимательно преодолевали каменистые осыпи, осторожно карабкались по скользким выступам, не спеша перелезали через завалы, образованные обломками скал, величиной с добрый крестьянский дом. Видимо, такое передвижение показалось бóглам скрытным, либо, что вероятней всего, они вообще не задумывались о чести, достоинстве и правилах ведения боя... И черти полезли из всех щелей!

Страшные, чумазые, нечёсанные, с дикими перекошенными рожами, одетые в шкуры и лохмотья, боглы представляли собой невообразимое собрание физических уродств — хромые, горбатые, кривоногие, одноглазые, безносые, тучные и, наоборот, высохшие, как щепки... Судя по совершенно безумному поведению, с нервами у них тоже было не всё в порядке! Вот рычащий и брызжущий слюной шестипалый с дубиной в руках. Рядом размахивает цепью над крохотной приплюснутой головой толстяк с огромными ступнями и слоновьими ногами. Трое дёрганных косоротых парней с ножами в руках неистово визжат и тарашат злобные глазищи, раскачиваясь из стороны в сторону, активно и угрожающе жестикулируют. Заросший бородой коротышка нетерпеливо сучит ножками и оглаживает гигантской ладонью боевой топор... Кромешный ад!

Это жуткое возбуждённое войско камнепадом обрушилось на растянувшийся по склону отряд Финли, смяло передовых воинов и буквально растерзало человек пять, пока остальные

приходили в себя от неожиданности. Наконец горцы догадались отступить, достать оружие и сгруппироваться для боя!

Хендри в первые мгновенья оцепенел, как и все, но быстро пришёл в себя, набрал побольше воздуха в лёгкие, намереваясь проорать нужные команды... И тут свет погас в его глазах, а сознание, вильнув хвостиком, покинуло командира отряда — удар дубины бешеного богла отправил молодого здоровяка в отключку...

Очнулся он от дикой боли в левой руке! Разлепив глаза и с трудом сфокусировав взгляд, Хендри обнаружил себя сидящим у валуна, а прямо перед собой увидел окровавленную харю остроносого и белоглазого чёрта, который уже успел отгрызть ему половину мизинца и теперь, смачно сплюнув красную жижу, принимался за указательный палец!

— Сожри моё дерьмо, ублюдок! Что ты творишь? — прохрипел избитый, изломанный, истекающий кровью Хендри. Здоровой правой рукой он наотмашь врезал карлику по уху, отчего тот завалился и притих. А Хендри, шатаясь и подвывая от нестерпимой боли, поднялся на ноги, достал из ножен палаш и начал монотонно и тупо рубить карлика, пока тот не превратился в сплошное багровое бесформенное месиво...

ОТРЫВОК ИЗ ГЛАВЫ

4.6

ПО ЗАВЕТУ ГЕРМЕСА ТРИСМЕГИСТА

**Её красота, как чудесная сила —
Прельщала людей и звала!
В зелёной долине могучего Нила
Царица её родила...
Но видно на горе, в лихую годину,
Капризные звёзды сошлись,
И раненой птицей лететь на чужбину
Девчонке назначила жизнь!
Богиня наполнила горечью были
Предания грешной земли,
И в синее небо волшебные крылья
Её навсегда унесли!**

...Растительная основа Эликсира была почти готова. Взмокшая Монифа в одной набедренной повязке, сидя на корточках, приглядывала за очагом на открытом дворе — жар огня должен быть спрятан в угли, но пеплу нельзя долго соприкасаться с источником жара, поэтому его нужно регулярно сдувать тростниковым опахалом. Жидкость в котле должна активно выпариваться, но не бурлить! Это важно...

Отец появился во дворе внезапно и стремительно, как будто принесённый порывом ветра! Хмурый, сосредоточенный, целеустремлённый, с коротким копьём в правой руке и свитком в левой. Он деловито осмотрелся, безжалостно опрокинул ногой котёл с зельем, мгновенно перечеркнув два месяца жарких трудов, а потом впервые в жизни заговорил с окаменевшей от ужаса дочерью:

— Всё неправильно! Ты должна была умереть в пять лет... Ну ладно, пусть мать оказалась рядом, а судьбы детей и матерей переплетены в раннем возрасте... Не утонула! Но в десять лет тебя нужно было задушить... Да! — Зеки рывком развернул свой свиток, покрытый непонятными письменами: — Вот, именно в десять лет, в сезон всходов, уж никак не позже десятого дня... Где

они тебя прятали? Так, допустим, вот тут указано — вмешательство высших сил! Хорошо... Но накануне шестнадцатилетия ты непременно должна быть убита копьём в грудь! Понимаешь? Осталось два дня, и тянуть никак нельзя... — отец опять сверился с записями, — никак нельзя тянуть! Яд в дальнейшем ненадёжен, высота непредсказуема, а огонь, сама понимаешь...

Он быстро свернул свои записи, заткнул свиток за пояс, потрогал пальцем остриё бронзового наконечника, а потом прямо посмотрел в глаза дочери и радостно улыбнулся!

— А-а-а-айя! — вдруг раздался вопль обезумевшей матери Монифы за спиной Берканда. Она только что вошла во двор с флягой и охапкой хвороста в руках... И вот ещё не успели упасть на землю ветки и фляга, отброшенные Меритатон, а она сама уже летела на защиту дочери — дикая и неукротимая!

Зеки даже не отступил ни на шаг — развернулся вполборота, перехватил копьё поближе к наконечнику и молниеносным ударом древка оглушил нападавшую, да так, что женщина бесчувственная рухнула на землю, а из её носа побежала в пыль струйка крови. Он недовольно потряхнул головой и скептически крикнул, а потом продолжил прерванный смертельный ритуал — снова перехватил копьё наконечником вперёд и замахнулся для удара...

И тут гром расколол мгновенно потемневшее небо, а земля вздрогнула и загудела! Перед безумцем стояла сияющая Изиды, с явным неодобрением смотрящая на остриё поднятого копья. Далее произошло удивительное — Зеки выронил оружие из ослабшей руки и грохнулся на колени, а вокруг его тела блестящей серебряной сетью заплелись толстые гладкие нити, пульсирующие и шевелящиеся как живые!

Монифа вскочила на ноги и бросилась к неподвижной матери, приподняла, заглянула в лицо, а когда Меритатон открыла глаза — припала, обняла, не сдерживая слёз облегчения.

— Послушай меня, девочка! — горячо шепнула мать в ухо дочери. — Они его не убьют, их сдерживает древний Обет, а тебе придётся бежать, далеко и навсегда, чтобы дороги ваши не смогли пересечься! Они удержат его, но недолго... Нужно спешить! Беги к нему в дом, в правом дальнем углу большой комнаты в земле есть тайник, там он хранит свой Эликсир! Но прими его только через год, не раньше! За год твой след померкнет в Пространстве, и он не сможет тебя найти...

— Почему ты не пойдёшь со мной? Разве тебе не лучше тоже бежать? — выдохнула потрясённая новостью Монифа.

— Нет, солнце моё, пока он жив — я буду приглядывать за ним, путать его шаги и искривлять дороги, беречь тебя на расстоянии... Так надо! Я всегда буду думать о тебе, но и он тебя не забудет... Ты — НЕЗАБЫВАЕМАЯ!..

ОТРЫВОК ИЗ ГЛАВЫ

5.2

ХОЛОДНЫЙ ПРОВАЛ

**Словно путнику у перекрёстка,
Словно лодке, забывшей сушу —
Делать выбор совсем не просто,
Выбрать хочется долю лучшую!**

...Все племена и народы рожают убеждённых первооткрывателей, мечтателей, исследователей нового и отчаянных любителей запретного. Усилиями таких увлечённых деятелей смещаются слежавшиеся исторические пласты, вскрываются позабытые пустоты и каверны традиционного знания, распаиваются двери в иные пространства. Любопытство —

одна из десяти неизменных Сил-цивилизаторов, зовущих человечество в заманчивую бесконечность звёздных миров и бездонные глубины океана.

Среди малых народцев тоже рождаются неординарные личности...

Оца и Цыс были парочкой не разлей вода! Им казалось, что дружат они с незапамятных времён, хотя на самом деле родились детёныши не более восьми лет назад. Родители юных альвов были близкими родственниками и жили рядом, поэтому совместное воспитание потомства было делом само собой разумеющимся.

Дух авантюризма присутствовал в малышах с раннего детства. Лазить по щелям, норам и нишам, прятаться от взрослых, всё дальше выбираться за пределы охраняемых помещений, ловко минуя стражников — было их любимым занятием. Но пышным цветом тяга к приключениям расцвела в первооткрывателях после обнаружения прохода в иной мир...

Представьте себе, что вы нашли портал в параллельную Вселенную! Именно такие запредельные чувства: испуг, неопиcуемый восторг, сотрясение основ мироздания и острое наслаждение запретными знаниями испытали Оца и Цыс, выйдя однажды из Большого Подвала наружу!

Неведомый внешний мир оказался пугающе огромным, наполненным звуками и запахами. На невидимом своде в бездонной воздушной пустоте сияли мириады светляков и ещё что-то яркое, узкое, явно острое и опасное... Тени двигались вверху и внизу, растения под ногами были ароматны и непривычно разнообразны, на земле копошились сонмы неизвестных, но точно съедобных насекомых, странные крылатые существа прятались в зарослях, а совсем рядом со звоном и топотом передвигались какие-то гигантские косматые чудовища... И, вот ужас, эти громадины чувствовали альвов на расстоянии!

Страх и неожиданность парализовали малышей до такой степени, что они, вместо спасения бегством, обречённо присели на корточки и прикрыли головы руками, трепеща и прощаясь с жизнью. Два чудовища, громко и часто дыша, подскочили к испуганным альвам, остановились, принялись, а потом вдруг лизнули их огромными мокрыми языками, ткнулись широченными лбами и развалились в ногах, добродушно повизгивая.

Оца опомнилась первая — встала на колени, протянула руку и потрогала мокрый холодный нос лохматого чудища, запустила пальцы в тёплую шерсть, погладила его по голове, почесала за ухом. Зверь перевернулся на спину, подставляя живот... Это точно был друг! Опасное существо не может излучать такую радость и тепло! Цыс тоже осмелел, погладил и почесал другого зверя, обнял его за мощную шею, на которой красовался толстый кожаный ремень с железными пряжками и звенящими кольцами.

Они назвали новых друзей именами народа асу — Ссáха и Уáха, что можно перевести как «Добрый» и «Весёлый». Огромные сторожевые псы быстро привыкли к своим именам и маленьким хозяевам, имевшим над ними какую-то неведомую, но непререкаемую власть. Каждая встреча была наполнена радостью и взаимопониманием... Собаки чувствовали ментальный зов альвов, выполняли их просьбы и команды, а Оца и Цыс явственно слышали мысли собак, ощущали их простые чувства и желания...

ОТРЫВОК ИЗ ГЛАВЫ
5.6
WHO WANTS TO LIVE FOREVER?

**Откровения, смех и слёзы,
Не замеченный миром след,
Счастье, горе, любовь и грёзы —
В бесконечном потоке лет!**

...Мария чувствовала себя в своей тарелке! Она с наслаждением рулила ситуацией, смерчем перемещаясь по усадьбе и одновременно успевая отдавать многочисленные распоряжения двóрне. Наперво облобызалась со знакомыми ей хозяином и хозяйкой, после чего мгновенно забыла об их присутствии и потащила Энн по комнатам господского дома, флигелям и хозяйственным постройкам, а в конце экскурсии вывела недоумевающую гостью за изгородь, к реке.

Здесь, почти у самой воды, стояла маленькая и неказистая бревенчатая избушка, из печной трубы которой, несмотря на тёплую погоду, валил столб дыма. Позади избушки виднелись мостки, доходившие почти до середины тёмной неторопливой реки.

— Вот, смотри! Это тебя сегодня ожидает! Поглядим — насколько прочны и стойки хвалёные шотландские воители! — торжественно и непоколебимо молвила Мария, прищурившись и поджав губы. Она твёрдо указывала пальцем на низенькую дверь подозрительного строения, всем видом демонстрируя, что возражения неприемлемы.

Энн ощутила лёгкую тревогу... Она попыталась было аккуратно выведать у воодушевлённой Марии — что, собственно, им предстоит делать в этом странном домике, но мгновенно получила убедительную отповедь:

— Солнце моё, не бузи! Буду сейчас прутьями тебя хлестать, жаром палить, кости перебирать поштучно, хвоей еловой кожу сотру да ледяной водой окачу... Вытерпишь — жива будешь! А сломаешься, э-э-э, съем на ужин! Ух, держись!

Энн было не поверила Марии, сочтя произнесённые угрозы обычной шутливой болтовнёй, но через четверть часа убедилась в искренности чародейки. Мария принялась за дело серьёзно и умело!

Сперва завела обнажённую Энн в маленький тёмный и тесный раскалённый чуланчик, где посадила на лавку и повелела наслаждаться! Так посидели немного, глядя на красные отсветы горящего где-то под грудой булыжников пламени. Энн поначалу вообще дышать не могла — лицо, нос и губы обжигали горячие воздушные потоки. Но потом привыкла, взмокла, ощутила, как мышцы прогреваются и расслабляются...

— А теперь мозги погреем! — воскликнула Мария и выплеснула на камни содержимое небольшого флакона.

Жидкость зашипела, превращаясь в пар, который вмиг наполнил пространство запахом полыни и лаванды, да ещё чего-то неуловимо знакомого, будоражащего, рисующего в глубинах сознания призрачные образы кочевников в бескрайних степях. Посидели, закрыв глаза, подышали! Второй флакон ощутимо обдал их тела горячим сандалом, лотосом и чёрным мускусом, немного опьянил... Этот аромат откликнулся характерными вибрациями внизу живота, и в голову Энн самопроизвольно полезли мысли вполне определённого рода... Но Мария развиться этим позывам не дала, плеснув на камни полный ковш воды! Адский жар вернулся, укусил за лицо, заставил дышать сквозь сомкнутые ладони и пригнуться пониже, ища более прохладные слои воздуха!

А ведьма не унималась! И жар ей был нипочём! Распластав Энн на лавке, принялась стегать дубовым веником, беспардонно переворачивая её, как большую куклу. При этом не забывала поддавать пара, повышая градус преисподней до запредельного.

— Согрелась? А ну-тко охладись! — Мария схватила Энн за руку, сорвала с лавки, увлекла за собой на улицу. Там разбежалась по мосткам, выпрыгнула вверх, поджала ноги и плюхнулась в тёмную речную воду, подняв фонтан брызг.

Холодной водой шотландскую воительницу было не испугать, а потому Энн смело скакнула в реку. Такого наслаждения она не испытывала никогда! Сила воды и воздуха вмиг наполнила тело, заменив собой огонь и влажный жар. Захотелось плавать, нырять, бегать по берегу... А потом лечь в воде на спину и плыть вниз по течению, глядя на бездонное вечернее небо, расписанное разноцветными полосами заката...

ОТРЫВОК ИЗ ГЛАВЫ

6.2

СОКРОВИЩА И СОКРОВИЩНИЦЫ

**В яростных вихрях истории
Кружатся даты и страны,
Рыцари, иноки, воры,
Всадники и капитаны!
И нам непонятно порою —
Чьи эти странные лики?
Кто здесь отважный герой,
А кто душегубец великий?
Стоит ли глубже копать?
Ведь так иногда получается,
Что все — и герои, и тати
Вовсе не отличаются!**

...Погиб Ринальдо деи Бонакольси скверно — убился насмерть, уходя верхом от вражеской погони. Семья завистливых Гонцага сгубила капитана Воробья, а его сына и родного брата новые правители Мантуи обстоятельно и со знанием дела замучили до смерти в темнице. Пожилой, но крепкий и подвижный предводитель Гонцага по имени Луиджи закатил по случаю победы пир на весь мир, но, как часто бывает в волшебных сказках, праздник испортила ведьма!

Юная колдунья Вивиэна из Беневэнто появилась в Мантуе в начале лета. Поселилась в скромном домике на окраине и принялась бескорыстно исцелять больных со всей округи. Не только простолюдины, но и страждущие господа вереницей потянулись в спасительный дом — стояли и ждали, чин чином, строгая Вивиэна не разделяла людей по званиям и титулам... Луиджи тогда тоже, грешным делом, заглянул к волшебнице со слабой надеждой унять многолетнюю боль в пояснице. И она помогла, да ещё как! Словно юноша забегал седой Гонцага. Приволок было ей подношения в благодарность, но был послан куда подальше!

Местный священник, конечно же, не мог долго терпеть языческих безобразий в своём приходе, а потому в одиночку, воодушевлённый и непреклонный, пошёл на ведьму крестным ходом... Однако после разговора с девой тет-а-тет быстро остыл, начал немного заикаться и кому ни попадя рассказывать — мол, в старину несусветную в Беневенто был храм Изиды, так до сих

пор женщины тех мест особую целительскую силу имеют, а оно не грех и ныне не осуждается, ибо... эээ... всё по воле божьей творится!

И вот в конце августа 1328 года загадочная Вивиена незваной явилась на пир победителей. Вошла стремительно, стала подбоченясь посреди зала, молча выслушала заздравную речь изумлённого Луиджи, фыркнула скептически.

— Ох и храбры рыцари Гонцага — сотней одного не боятся! — укоризненно пропела колдунья. — Да уж ладно... Было мне нынче видение от матушки-покровительницы — не усидеть тебе в Мантуе, не твоя это вотчина! Бонакольси тут хозяева, а ты всех их порешил неосмотрительно... Теперь беда, гневаются боги на тебя, Луиджи Гонцага! Что делать будешь?

— Бог не выдаст, мыслю! — срывающимся голосом ответил Луиджи, стремясь не потерять лица перед соратниками и вассалами. — Сделанного не воротишь!

— Хм, мыслю, значит живу, да... — непонятно к чему пробормотала под нос ведьма. — Спорить не будем, положимся на волю богов! — продолжила она громко и чётко. — А все свидетелями будут — на ком вина... Так выпей же свой заздравный кубок! Коли прав ты — войдёт в тебя благодать виноградной лозы, а коли повинен — хлебнёшь крови!

— Ну, это несложно! — облегчённо выдохнул Луиджи и заглянул в кубок. — Тут вино!

Он сделал длинный глоток и... подавился и захрипел, отбросив страшный сосуд прочь! По его щекам и подбородку стекала настоящая алая кровь!

Гости попятились, прижались к стенам, а некоторые вообще сбежали от греха подальше. Бледный Луиджи, утирая кровь рукавом, на негнущихся ногах проковылял к центру зала и бухнулся на одно колено перед Вивиеной.

— Как поступить, защитница, научи? — срывающимся голосом каркнул Гонцага.

— А поступишь ты так... — медленно и задумчиво ответила ведьма, взяв Луиджи за серебряную цепь на груди. — Знаешь, как в Египте уважаемых людей хоронили? Нет? Мумифицировали! Вот и ты — возьмёшь тело старшего Бонакольси, собственноручно извлечёшь через нос его разжиженный мозг, тщательно вырежешь внутренности... Сможешь?

— Нет, нет, пощади! — взвизгнул Гонцага. — Что хочешь требуй взамен!

— Всё, что хочу? — улыбнулась колдунья. — Ладно, подумаю! И Ринальдо, так и быть, сама выпотрошу и высушу, по заветам матушки Изиды! Но поселю его потом навечно у тебя в доме! Аха-ха!

Вивиена сделала как сказала. Мумия Ринальдо вышла просто загляденье — солидная, грозная, тёмно-коричневая, объёмная, матовая, благовоющая. Захоранивать мумию не предполагалось, а потому бинтами и повязками она обмотана не была. Кожа Ринальдо напоминала своим благородным оттенком полированное тёмное дерево.

Ведьма, обладавшая, видно, особым чувством юмора, обрядила Ринальдо в парадный камзол, натянула ему на голову парик, опоясала мечом и усадила в шикарное кресло. В таком виде Воробей надолго поселился в задних комнатах Дворца Капитанов, внушая священный трепет всем, кто лицезрел это зловещее произведение искусства...

ОТРЫВОК ИЗ ГЛАВЫ
7.1
ТАЙНА НЕФРИТОВОЙ ЧЕРЕПАХИ

**Не устану к мечте стремиться,
В моих мыслях стихи и песни,
А в душе перелётная птица —
Ей тоскливо сидеть на месте!
Я в покое бездельем полнюсь,
А в полёте преград не знаю —
Постигаю свободу в скорости
И, смеясь, с высотой играю...
Я отмеренный срок не ведаю,
Но спешу без корысти и прока
Растворить, как чернила, небо
В ненаписанном жизни хокку!**

Ючи с детства любил поезда. Под ритмичный перестук колёс ему хорошо думалось и мечталось, он отдыхал душой и телом на жёстких неудобных сидениях, и даже чай, отчётливо отдающий угольным дымом, нравился ему необычайно... Но в этой поездке предпочтение пришлось отдать самолётам — деловитым машинам, пожирающим километры и превращающим любое путешествие в краткое перемещение в пространстве.

**Не каждому в жизни дано —
Закончить земную дорогу
Среди бесконечности неба...**

Что именно произошло, никто из пассажиров так и не понял... Но пилот явно принимал экстренные меры по спасению самолёта. Тяжёлый «Юнкерс Ю 52/3м», вместо того чтобы начать плавное снижение для захода на посадку, вдруг резко изменил направление полёта — в крутом правом крене, скрипя фюзеляжем и натужно воя двигателями, нырнул в ближайшую тучу, а потом стал карабкаться за облака, всё выше и выше.

Примерно на пяти тысячах метров «Тётушка Ю» перешла в горизонтальный полёт, однако теперь даже в салоне стало видно, что центральный двигатель объят языками пламени. Мотор чихал и плевался жидким огнём, оставляя за собой шлейф чёрного дыма, который неудержимо просачивался внутрь машины. Дышать становилось всё тяжелее! Самолёт дрожал и терял высоту, а пожар неуклонно распространялся на другие двигатели. Сначала задымил и вспыхнул правый, а вскоре и левый исчез в дымном облаке. Юнкерс присел на хвост, а потом клюнул носом и неуправляемо устремился к земле...

Господин Миура не боялся смерти и готовился к встрече с ней долгие годы, как подобает воину, но последнее в жизни ответственное задание неожиданно оказалось на грани провала. Этого категорически не мог допустить такой опытный Мастер, как он. Нужно сделать всё возможное, чтобы срочный груз был получен Братьями, а не погиб при неминуемом крушении самолёта.

Былые тренировки на пределе духовных и физических сил весьмагодились Ючи в эти страшные мгновенья! Он сделал единственно верный выбор, привычно прокрутив в голове десятки возможных вариантов. Мастер сжал волю в кулак, на ощупь пробрался к левому борту, отыскал красный кругляш на запорном рычаге двери, рванул его, впуская внутрь салона поток

ледяного ветра, протиснулся в образовавшуюся щель и бесстрашно шагнул в свинцовую бездну облаков.

Имея опыт затяжных прыжков с парашютом, Ючи быстро совладал с колючим буйством набегающего воздуха — принял нужное положение, в котором поток прижимал кожаную сумку с ценным грузом к груди, а полусогнутые руки и ноги служили рулями. Он мчался сквозь облака, стараясь оказаться максимально близко к аэродрому назначения, но не попасть при этом на запретную территорию священных рощ... Когда появилась земля, ещё раз убедился в правильности своих расчётов, отшвырнул сумку в сторону, перевернулся спиной вниз и, преисполненный радости, принялся слагать хокку...

Конец ознакомительного фрагмента.